

Китай: эволюция спроса в контексте трансформации модели социально-экономического развития

© 2018

И.А. Макаров, И.А. Степанов

В статье представлены основные направления структурной трансформации модели социально-экономического развития КНР, в том числе замедление темпов экономического роста, расширение внутреннего потребления, рост доли сектора услуг, технологическое развитие и изменения в географии производства и торговли. Произведена оценка изменений объемов и структуры спроса в Китае в контексте торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Ключевые слова: Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), совокупный спрос, внутреннее потребление, социально-экономическая модель развития.

1. Перестройка экономической модели Китая: последствия для стран АТР

Экономика Китая, демонстрировавшая на протяжении четверти века темпы прироста в среднем на уровне 10% в год и достигшая уровня 15% мирового ВВП (по ППС), вступила в период структурной перестройки социально-экономической модели, сопровождаемой замедлением экономического роста¹. В 2016 г. прирост ВВП Китая составил 6,7% (минимум с 1990 г.) Большинство аналитиков сходятся в прогнозах, что постепенное снижение темпов экономического роста в КНР продолжится (рис. 1).

Замедление роста ВВП Китая обусловлено рядом фундаментальных причин. Во-первых, исчерпывается база экстенсивного экономического роста, основанного на дешевой рабочей силы и эксплуатируемых природных ресурсах. Уровень жизни и доходы населения растут, что вредит конкурентоспособности китайской продукции на международных рынках. Ведущие провинции Китая попадают в так называемую «ловушку среднего дохода», из-за которой они — при растущей себестоимости производства — по-прежнему отстают от западных конкурентов в качестве продукции. Возможностей для производительных инвестиций, которые выступали драйверами китайской экономики в последние десятилетия, становится все меньше. Зато растут непроизводительные инвестиции, подпитываемые низкими процентными ставками, непрозрачной системой кредитования, а также ограничениями в сферах охраны труда, прав на интеллектуальную собственность, заботы об окружающей среде. Отсюда проистекает проблема роста задолженности крупных компаний, банков и региональных администраций. Одновременно

Макаров Игорь Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ. E-mail: imakarov@hse.ru

Степанов Илья Александрович, мл. научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. E-mail: iastepanov@hse.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

к критическому порогу близится истощение природных ресурсов (лесных, водных, земельных) на фоне масштабного загрязнения окружающей среды в Китае.

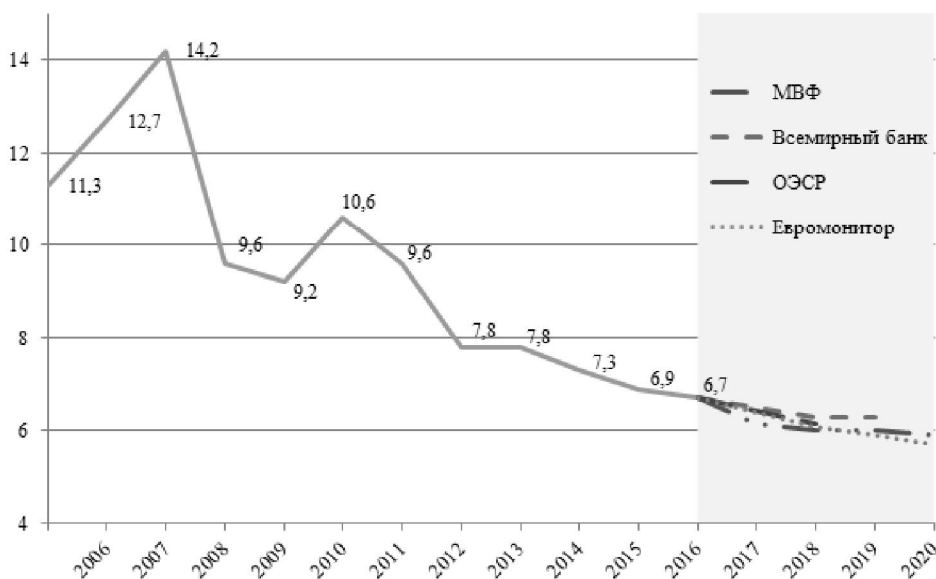

Рис. 1. Темпы прироста ВВП Китая в 2006–2016 гг.: прогноз международных организаций на 2017–2020 гг.

Источник: Euromonitor International, Всемирный банк, МВФ, ОЭСР.

Во-вторых, руководство КНР сталкивается с растущими социальными издержками неинклюзивного роста, слабо учитывающего распределение доходов, а также проблемы социального характера, все больше обращающие на себя внимание. Стремительное экономическое развитие Китая в последние десятилетия существенно обогатило китайское население (подушевой показатель ВВП с 1995 по 2015 г. вырос более чем в 5 раз), но положительный эффект экономического роста оказался распределенным неравномерно. Результаты этого — резкое усиление неравенства доходов и обострение региональных диспропорций².

Осознание того, что решение перечисленных противоречий невозможно без смены модели развития, побудило китайское руководство запустить процесс структурных реформ, о чем было объявлено в 2012 г. на XVIII съезде КПК. Их центральной идеей стала переориентация на расширение внутреннего потребления как главный драйвер экономического роста, а также на приоритетное развитие новых отраслей: модернизированной обрабатывающей промышленности, обеспечивающей тесную связь науки с производством, а также сферы услуг. Роль потребления как главного драйвера экономического роста в Китае особо подчеркивалась и на XIX съезде КПК.

Структурные сдвиги в экономике Китая неизбежно ведут к трансформации всей структуры международных отношений в АТР. Она во все большей степени определяется формулой «Азия для Азии», при которой страны АТР³ ориентируют свою внешнеэкономическую специализацию на запросы Китая⁴. И эта трансформация — шанс для ускоренного экономического роста тех стран, которые ранее располагались на периферии региона и существенно отставали и по уровню, и по темпам социально-экономического развития.

Таким образом, трансформация экономической модели Китая приводит к изменению структуры внешней торговли во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для Ки-

тая период с 2001 по 2016 г. характеризуется почти семикратным ростом внутриазиатской части его торгового оборота, для стран АСЕАН — трехкратным (рис. 2). Несмотря на небольшое снижение абсолютных объемов внутрирегиональной торговли в последние годы, резко увеличивается ее доля в суммарном товарообороте стран АТР: с 2013 г. она возросла на 8 п.п. до рекордного значения в 47% (рис. 3). Стагнация в развитых странах Европы, а также интенсификация процесса выстраивания региональных цепочек добавленной стоимости внутри АТР — основные предпосылки для закрепления модели «Азия для Азии», как минимум, на ближайшее десятилетие.

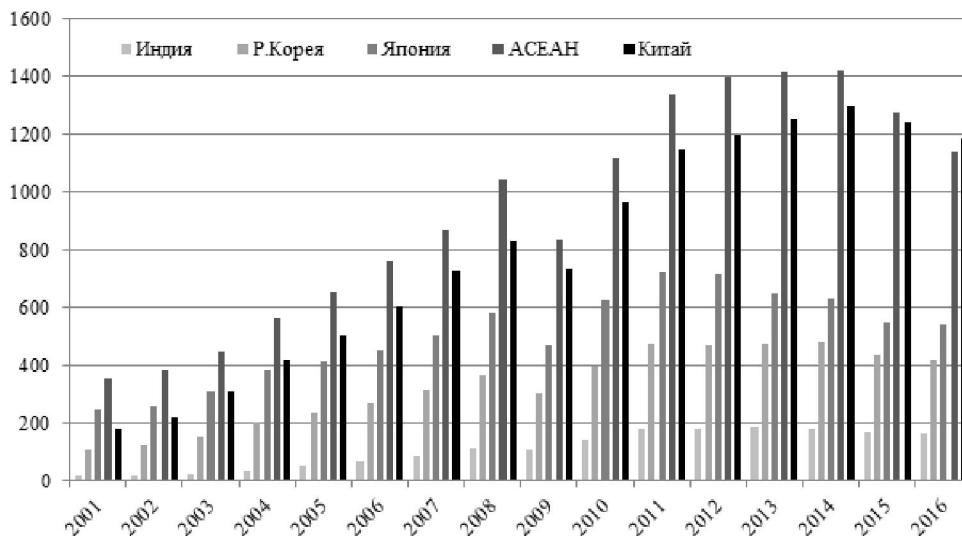

Рис. 2. Динамика объема внутрирегионального торгового оборота ведущих стран АТР (млрд долл.) в 2001–2016 гг.

*Под регионом в данном случае понимаются все страны, указанные в легенде диаграммы. Объем внутрирегиональной и совокупной торговли стран АСЕАН включает в себя торговлю между отдельными странами организации.

Источник: Trade statistics for international business development:

URL: <http://www.trademap.org>

2. Изменение географии промышленного производства в АТР

Постепенно меняется место Китая в глобальной системе цепочек добавленной стоимости. Капитал в Китае все больше сталкивается с ростом издержек внутри страны. Высокий социальный налог, а также постепенный рост заработных плат заставляет многие фирмы принимать решения о расширении или частичном переносе производств за рубеж или в менее развитые провинции Китая. В то же время, налицо процесс частичного возврата производств из Азии в развитые страны. Так, с 2010 по 2015 г. 285 американских компаний возвратили из Китая в США 27,6 тыс. рабочих мест⁵. Переносу производств способствует и государственная политика: для отдельных отраслей декларируется на уровне руководства страны стратегия «идти вовне».

С 2012 г. Китай стал третьим инвестором в мире, постепенно догоняя США и Японию по показателю ПИИ (прямых иностранных инвестиций) за рубеж. На фоне нестабильной динамики в США и Японии их объем неизменно растет (рис. 4). Кроме того, быстро сокращается разрыв между объемами ПИИ из Китая и в Китай.

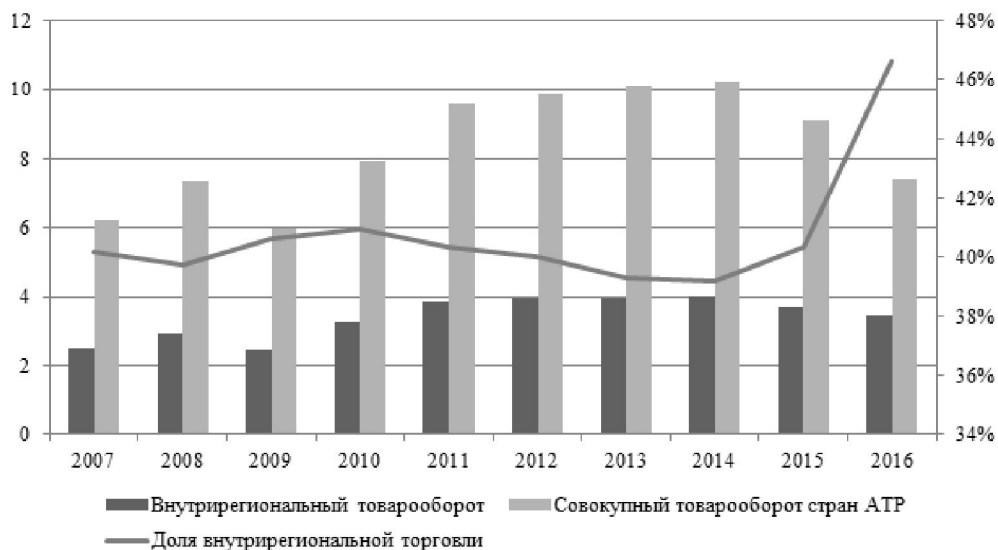

Рис. 3. Внутрирегиональный и совокупный товарооборот стран АТР (трлн долл.) в 2007–2016 гг.

Источник: Trade statistics for international business development:
URL: <http://www.trademap.org>

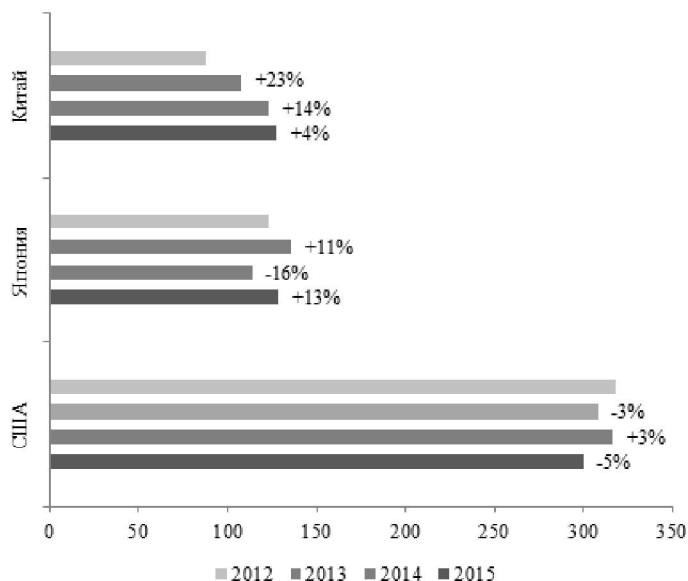

Рис. 4. Прямые иностранные инвестиции США, Японии и Китая за рубежом в 2012–2015 гг., млрд долл.

Источник: UNCTAD.

Значительная и растущая доля китайских инвестиций направляется в страны ЮВА. За последние 5 лет их объем вырос на 21%. Один из наиболее показательных примеров — текстильная отрасль. Многие средние и крупные производители одежды

начали перемещаться во Вьетнам и Бангладеш. Масштабность данного явления подтверждает тот факт, что в 2013 г. Бангладеш стала вторым в мире (после Китая) производителем текстиля⁶.

Таблица 1

Прирост ВРП административных субъектов КНР 2005–2015 гг.

Провинция	Часть страны	Средний прирост за период		
		2005–2007	2010–2012	2013–2015
Чунцин	Центр	13,3%	15,7%	11,4%
Гуйчжоу	Юго-запад	13,4%	13,8%	11,3%
Тибетский АР	Юго-запад	13,1%	12,3%	11,3%
Тяньцзынь	Север	15,0%	15,9%	10,6%
Фуцзянь	Юго-восток	13,9%	12,5%	10,0%
Синьцзян-Уйгурский АР	Северо-запад	11,4%	11,5%	9,9%
Юньнань	Юго-запад	10,9%	13,0%	9,6%
Цзянси	Центр	12,8%	12,5%	9,6%
Хубэй	Центр	13,3%	13,3%	9,6%
Шэньси	Северо-запад	14,5%	13,8%	9,5%
Аньхой	Центр	12,6%	13,4%	9,4%
Цинхай	Северо-запад	13,0%	13,7%	9,4%
Хунань	Центр	13,3%	12,9%	9,4%
Ганьсу	Северо-запад	11,9%	12,3%	9,3%
Гуанси-Чжуанский АР	Юго-запад	13,9%	12,6%	8,9%
Цзянсу	Восток	14,8%	11,3%	8,9%
Сычуань	Центр	13,5%	14,2%	8,8%
Шаньдун	Север	14,6%	11,0%	8,8%
Хайнань	Юго-восток	13,2%	12,4%	8,7%
Хэнань	Центр	14,4%	11,5%	8,7%
Нинся-Хуэйский АР	Северо-запад	12,1%	12,4%	8,6%
АР Внутренняя Монголия	Север	20,7%	13,6%	8,2%
Гуандун	Юго-восток	14,6%	10,2%	8,1%
Чжэцзян	Восток	13,8%	9,6%	7,9%
Пекин	Север	13,2%	8,7%	7,3%
Шанхай	Восток	13,1%	8,7%	7,2%
Хэбэй	Север	13,2%	11,0%	7,2%
Гирин	Северо-восток	14,4%	13,2%	7,0%
Хэйлуцзян	Северо-восток	11,9%	11,7%	6,4%
Ляонин	Северо-восток	14,0%	12,0%	5,8%
Шаньси	Север	14,1%	12,3%	5,6%

Источник: National Bureau of Statistics of China. URL: www.stats.gov.cn.

В ЮВА переводятся не только трудоемкие производства, но и те, что требуют большого количества воды и энергии — ресурсов, дефицит которых в Китае с каждым годом растет, и которыми ее соседи обладают в большей степени. Процесс формирования новой модели торгово-экономического сотрудничества Китая со странами ЮВА был во многом упрощен подписанием соглашения о ЗСТ между Китаем и АСЕАН в 2012 г. (за счет снижения таможенных пошлин на ввоз комплектующих для конечного производства товаров). Сам же Китай, перенося трудоемкие производства за рубеж, переориентируется на развитие более высокотехнологичных отраслей и сферы услуг.

Быстро расширяются связи Китая с другими развивающимися экономиками — Бангладеш, Пакистаном, странами Центральной Азии. Для создания прочного фундамента торгово-экономического сотрудничества китайские инвестиции направляются на модернизацию и строительство транспортной инфраструктуры в этих странах⁷.

Однако в связи с переориентацией части производств с экспорта на обслуживание внутреннего рынка такие производственные мощности нередко выгоднее переводить не за рубеж, а в центральные и западные части КНР, где издержки на оплату труда ниже, чем в восточных провинциях, а конечный рынок ближе. Эта тенденция уже оказывает влияние на географию экономического роста внутри КНР. Он смещается из более развитых прибрежных провинций в менее развитые регионы.

В 2013–2015 гг. лидерами по приросту ВРП были, в основном, провинции центрального или западного регионов Китая, тогда как десятилетием раньше (в 2005–2007 гг.) они относились к развивавшимся медленнее всех. К их числу можно отнести Чунцин, Цзянси, Хубэй, Аньхой и Хунань в Центральном Китае, Гуйчжоу, Тибетский Автономный район и Юньнань на юго-западе, а также Шэньси, Цинхай и Ганьсу на северо-западе (табл. 1).

Перемещение центра экономического роста с востока на запад Китая сулит далеко идущие последствия для всего макрорегиона. Среди прочего, это неизбежно требует усиления сотрудничества с соседями Китая на северо-западе (странами Центральной Азии), а также ставит вопрос о совершенно новой логистической сети региона. Если восточные провинции были связаны с миром по морю, то для развития западных необходимо строительство сухопутных транспортных маршрутов, связывающих Китай с поставщиками сырья и центрами потребления. В этом, в частности, одна из причин запуска Китаем Экономического пояса Шелкового пути (ставшего частью инициативы «Пояс и Путь»), а также создания новых механизмов финансирования строительства инфраструктуры (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и отчасти даже Новый банк развития БРИКС).

3. Эволюция отраслевой структуры экономики КНР

За последнее десятилетие средний уровень почасовой заработной платы в Китае более чем удвоился: с 1,5 долл. в 2005 г. до 3,3 долл. в 2016 г. Данный тренд выглядит особенно впечатляюще на фоне других развивающихся стран (рис. 5). Наиболее значительный рост заработных плат в КНР пришелся на производственный сектор: за тот же период заработная плата утроилась (с 1,2 долл. до 3,6 долл.). По данному показателю Китай уже занимает одно из лидирующих мест среди развивающихся стран, опережая Россию, Бразилию, Аргентину, Таиланд (рис. 6).

При этом уровень оплаты труда в Китае сильно дифференцирован по регионам. Так, в Пекине средимесячная заработная плата составляет 9,2 тыс. юаней (1380 долл.⁸), в Шанхае — 9,1 тыс. юаней (1365 долл.), тогда как в провинции Хэнань данный показатель составляет 3,7 тыс. юаней (555 долл.)⁹, что четко отражает проблему диспропорций в социально-экономическом развитии страны.

Существенные изменения претерпевает сектор услуг, который все больше становится движущей силой китайской экономики. На фоне сокращения доли занятых в первичном (с 36,7 до 28,3%) и слабом росте во вторичном (с 28,7 до 29,3%) секторах в период с 2010 по 2015 г.г. в третичном секторе доля занятых растет опережающими темпами (с 34,6 до 42,4%)¹⁰.

В целом, несмотря на то, что реформы в Китае пока сложно назвать успешными, реструктуризация экономики и внешней торговли идет высокими темпами. Переход к новой модели развития создает дополнительное окно возможностей для повышения конкурентоспособности китайского сектора услуг на внутреннем и мировом рынках, за-

кладывая основу для постепенного оздоровления национальной экономики. В 2015 г. на сферу услуг приходилось уже более половины ВВП страны, а рост доли третичного сектора в ВВП с 2007 г. составил 7,3 п.п. Его развитие происходит на фоне постепенного снижения вклада вторичного и первичного секторов экономики в ВВП (на 6 и 1,4 п.п. за период 2007–2015 гг. соответственно)¹¹.

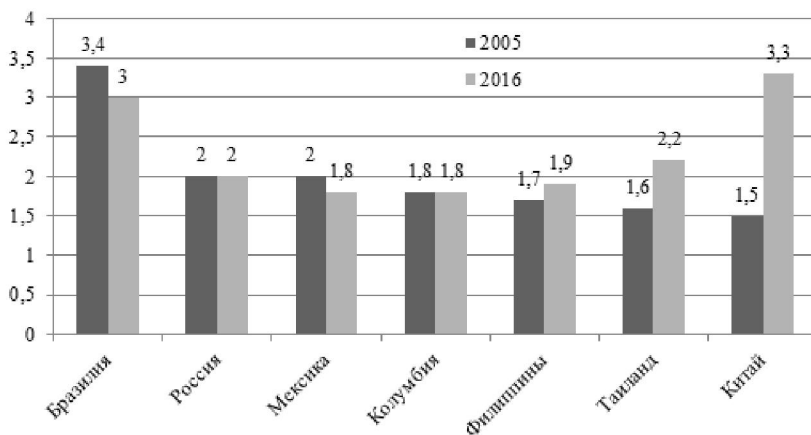

Рис. 5. Средние заработные платы во всех секторах экономики в развивающихся странах мира, долл./час, 2005 и 2016 гг. (в постоянных ценах 2016 г.)

Источник: Euromonitor International. URL: www.euromonitor.com.

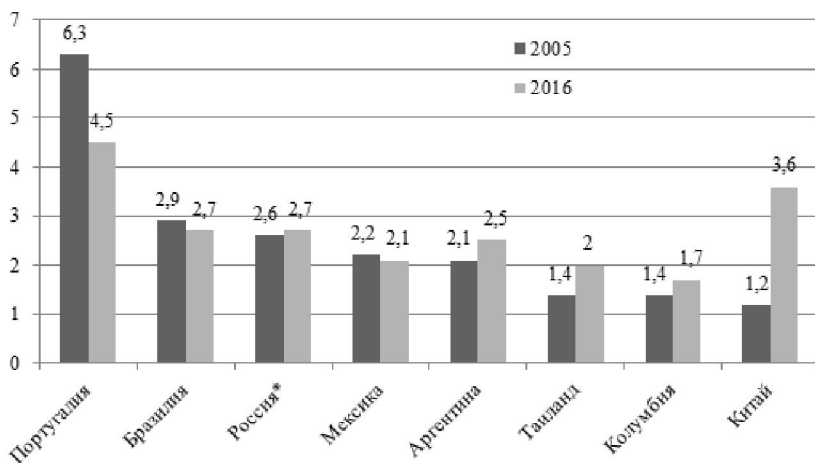

Рис. 6. Средние заработные платы в производственном секторе в развивающихся странах мира, долл./час, 2005 и 2016 гг. (в постоянных ценах 2016 г.)

Источник: Euromonitor International. URL: www.euromonitor.com.

*Примечание: для России вместо 2005 г. приведены данные за 2009 г.

Китай является второй (после США) страной по стоимости внешней торговли услугами. В 2016 г. данный показатель составил 661,5 млрд долл., из них 208,5 млрд пришлось на экспорт (9,5% от общего китайского экспорта); импорт составил 453 млрд долл. (23,2% от общего китайского импорта). За последние 10 лет китайская торговля

услугами выросла в 3,4 раза — в первую очередь за счет роста импорта услуг, связанных с обеспечением перевозок грузов и с туризмом¹².

Более того характерным является увеличение доли иностранных инвестиций в сфере услуг Китая. В 2006 г. на промышленный сектор приходилось 63,6% совокупных иностранных инвестиций, тогда как доля сферы услуг составляла 31,1%. Ситуация резко поменялась к 2011 г., когда сфера услуг опередила промышленный сектор и стала крупнейшим реципиентом ПИИ. В 2015 г. на сферу услуг приходилось уже 61,1%, (77,1 млрд долл.), в то время как ПИИ в промышленном секторе составили 31,4% (39,5 млрд долл.) от совокупного объема прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику¹³.

Китай по-прежнему находится на ранней стадии перехода к постиндустриальной экономике, все еще значительно отставая от стран ОЭСР, где сектор услуг составляет 70% ВВП. Тем не менее цели модернизации экономики и инновационного роста уже сейчас становятся неотъемлемой частью долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Обеспечение китайского лидерства в областях науки и техники, космонавтики и сетевого пространства — один из ключевых сюжетов выступления Си Цзиньпина на прошедшем в октябре 2017 г. XIX съезде КПК.

Увеличение доли непромышленного сектора в национальном ВВП, главным образом, за счет расширения производства услуг и товаров с высокой добавленной стоимостью — одно из приоритетных направлений экономической политики Китая и в краткосрочной, и среднесрочной перспективах. Ярким тому подтверждением служат положения 13-го пятилетнего плана на 2016–2020 гг., закрепляющие за сферой инноваций статус основного драйвера национальной экономики. Можно предположить, что Пекин сумеет реализовать поставленную цель — увеличить торговлю услугами к 2020 г. до 1 трлн долл.

4. Динамика объемов и структуры совокупного спроса в КНР

Результаты начавшейся в Китае трансформации экономической модели наглядно отражаются в изменении структуры совокупного спроса. Норма сбережения и норма накопления в стране снижаются. Инвестиции были главным драйвером экономического роста вплоть до 2010 г. Сейчас их прирост замедлился до 5–6% в год, а на роль главного двигателя роста, как и заявляли китайские руководители, выдвинулось потребление домохозяйств

Потребительские расходы в Китае росли и раньше — как следствие роста населения и доходов, а также урбанизации. С 2000 г. годовой располагаемый доход на душу населения в КНР вырос на 4000 долл. (темпами в 10,4% ежегодно), тогда как число городских жителей увеличилось на 330 млн чел. В 2011 г. городское население впервые за всю историю Китая превысило сельское¹⁴. При этом, однако, темы роста потребления долгое время отставили от темпов роста ВВП. С 2012 г. ситуация изменилась, а в 2012–2014 гг. потребление растет уже на 2 п.п. быстрее ВВП.

Отчасти изменению структуры совокупного спроса в сторону большей доли потребительских расходов способствует естественный переход значительных масс населения в средний класс (переступается порог доходов, за которым потребление растет практически скачкообразно), а также меры по борьбе с неравенством. Не менее важны для роста нормы потребления ревальвация юаня, ужесточение финансового контроля над кредитными институтами и региональными администрациями, активизация экологической политики (все эти меры можно рассматривать как отход от скрытого субсидирования инвесторов-производителей за счет домохозяйств-потребителей)¹⁵. Все эти факторы привели к тому, что с 2011 г. Китай, обогнав Японию, стал региональным лидером по объему потребительских расходов. За последние десять лет они росли средним темпом 13% в год и к 2016 г. составили 4 трлн долл.

Снижение нормы сбережений при пропорционально меньшем сокращении нормы накопления автоматически означает сокращение профицита баланса текущих операций, в первую очередь, чистого экспорта. Это уже происходит: экспорт сокращается с 2015 г., торговый профицит — с 2016 г. Китай еще долго будет оставаться страной с огромным торговым профицитом, величина которого, однако, будет снижаться.

Сдвиги в структуре совокупного спроса, начавшиеся в последние годы, в будущем усилятся¹⁶. Они отражают попытки ребалансировки китайской экономики — отхода от чрезмерной опоры на инвестиции и экспорт, снижения запредельно высокой нормы сбережения и самого высокого в мировой истории профицита торгового баланса. Эта ребалансировка будет сопровождаться общим снижением темпов роста ВВП — в лучшем случае до 4–5%, а возможно и до 2–3% в 2020-е годы. Однако компоненты совокупного спроса будут демонстрировать разную динамику. В то время как рост инвестиций будет и далее замедляться, рост потребления будет оставаться, по меркам большинства стран мира, высоким, превышая динамику ВВП на 2–3 п.п.

С точки зрения экспортеров, в качестве одного из которых рассматривает себя и Россия, китайский рынок существенно преобразится. Происходящая ныне трансформация социально-экономической модели обусловит дальнейшее снижение темпов роста спроса на ресурсы (энергоресурсы, металлы) с соответствующим понижающим давлением на их цены. Одновременно будет замедляться рост спроса на инвестиционные товары и услуги (оборудование, строительство). В то же время продолжит быстро расширяться спрос на потребительские товары, в том числе товары длительного пользования. Уже через десятилетие Китай бросит вызов позициям США как главного центра мирового потребления. А вокруг Китая будут расширяться центры производства — в Южной и Юго-Восточной, Центральной Азии, возможно и в России.

5. Эволюция потребительского спроса в КНР

Потребительские расходы в Китае также претерпевают трансформацию, которая продолжится и в будущем. Можно наблюдать не просто рост их доли в совокупном спросе, но и изменение их структуры. Пока она еще остается типичной для развивающихся экономик, но со временем будет во все большей степени напоминать структуру спроса развитых стран.

На сегодня около четверти (24%) всех потребительских расходов приходится на продовольственные товары — примерно вдвое больше, чем в странах с высоким уровнем доходов (рис. 7). В 2007–2016 гг. среднегодовой темп прироста потребления продовольствия в стране составил 11%. Согласно прогнозам, рост спроса на продовольствие в ближайшие годы продолжится, но чуть меньшими темпами — 8%¹⁷.

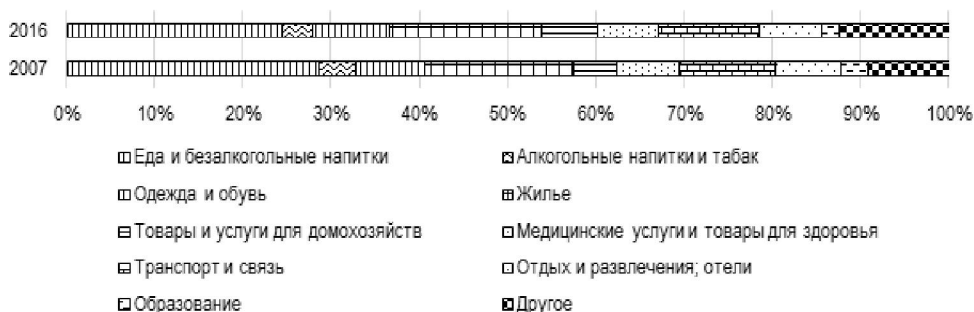

Рис. 7. Структура потребительских расходов в Китае, 2007 и 2016 гг., %.

Изменение рациона питания по мере роста доходов привело к тому, что внутри продовольственной группы наиболее быстро растет потребление животных продуктов. Если в 1985 г. среднестатистический китаец потреблял 19,6 кг мяса в год, то в 2013 г. — 61 кг в год¹⁸. В 1990-е годы видоизменилась структура потребления мяса — в частности, доля свинины с 1990 по 2000 гг. снизилась с 79 до 64%. За этот же период доля говядины возросла с 4 до 8%, а курятины — с 13 до 22%. С 2000 г. эта структура осталась почти неизменной — потребление различных видов мяса растет равномерно (рис. 8). Принципиально иные тенденции свойственны лишь потреблению молока — с 2000 по 2013 г. оно выросло в 3,5 раза. Причиной взрывного роста спроса наряду с ростом доходов и урбанизацией стали смена потребительских привычек, быстрое развитие молочной промышленности и маркетинговых каналов¹⁹.

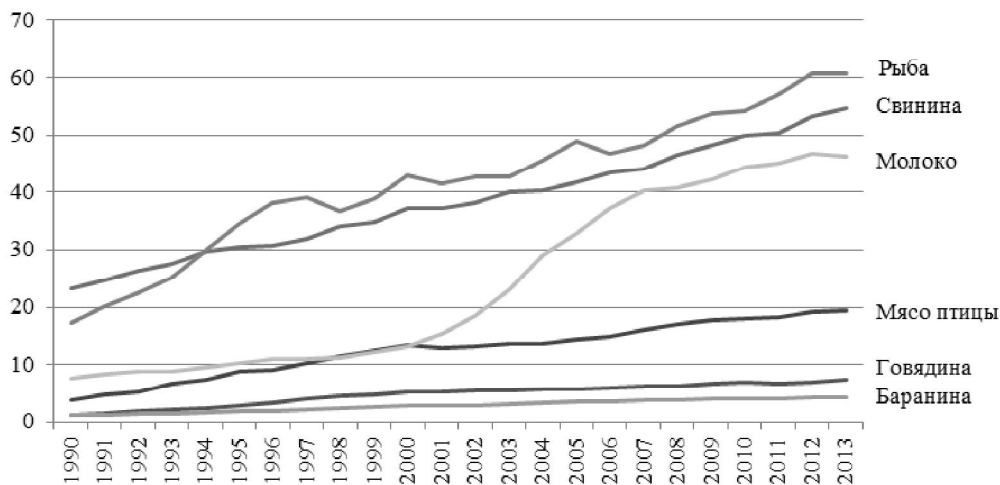

Рис. 8. Потребление продукции животноводства в Китае 1990–2013 гг.

Источник: FAOStat. URL: www.fao.org/faostat/

Рост потребления мяса нашел отражение в резком увеличении потребления кормов. В то время как потребление пищевых культур — риса и пшеницы — с 1990 г. практически не возросло (а в подушевом выражении даже снизилось), потребление кормовых выросло существенно: кукурузы на 76%, а сои — на 187% с 2000 г.

Долгое время растущие потребности Китая в продовольствии удовлетворялись преимущественно за счет внутреннего производства. Однако в будущем это вряд ли будет возможно. На сегодня наиболее значительна зависимость Китая от импорта в отношении сои. Она стала одним из ключевых кормовых культур после 1996 г., когда началась либерализация ее импорта. С тех пор поставки сои из-за рубежа выросли в 17 раз²⁰, а ее доля в кормовом балансе превысила 20% (по сравнению с 3,2% в 1996 г.)²¹. В настоящий момент в Китай направляется половина мирового экспорта сои. В связи с естественными ограничениями — ограниченностью и деградацией пахотных земель, нехваткой воды — неизбежным видится переход к массовому импорту кукурузы (уже начавшийся). Именно импорт кормов — сои и кукурузы — заставляет некоторых исследователей говорить, что для Китая актуальна не столько «продовольственная безопасность» (food security), сколько «кормовая безопасность» (feed security)²².

Один из ключевых вопросов глобального продовольственного рынка — когда Китай начнет наращивать импорт мяса? Этот момент ожидается уже давно, но пока Китаю удастся удерживать его в относительно небольших масштабах за счет развития производства внутри страны. Оно достигается благодаря масштабному импорту кормов, все

еще низким издержкам на оплату труда в сельской местности, делающим китайскую продукцию дешевле импортной, а также таможенной защите отечественных производителей. Однако невозможно использовать эти факторы бесконечно²³. Потребление мяса будет расти, пусть, возможно, не столь высокими темпами, как ранее. Разрыв между внутренними и мировыми ценами сократится по мере роста издержек на оплату труда. Попытки наращивать внутреннее производство будут означать растущую зависимость от импорта кормов, которая уже сейчас является тревожной. Как следствие, Китай уже в ближайшее десятилетие превратится в одного из ведущих мировых импортеров мяса²⁴.

Несмотря на рост потребления продовольствия, его доля в общем объеме потребительских расходов с 2007 г. уменьшилась на 5 п.п. Одновременно происходит рост доли таких категорий как одежда и обувь, товары и услуги для домохозяйств (рис. 7).

Эти категории товаров и услуг более типичны для потребительской корзины среднего класса, к которой переходит все большее количество китайцев. Вместе с тем, именно эти категории максимально выигрывают от активного развития в Китае электронной коммерции. В 2015 г. на нее пришлось 15,9% всех розничных продаж. По данным китайской исследовательской компании *iMedia*, совокупный объем электронной коммерции в Китае в 2016 г. составил 920 млрд долл. и, по оценкам, может вырасти до 1,28 трлн долл. в 2018 г.²⁵ Ожидается, что к 2019 г. каждый третий «розничный доллар» в Китае будет потрачен в Интернете — по этому показателю Китая является мировым лидером. В Китае более 688 млн пользователей Интернета, из которых 53% являются онлайн-покупателями, что превышает совокупное население США, России и Бразилии. Кроме того, в Китае используется более 1,28 млрд мобильных телефонов, которые также являются популярным средством онлайн-шопинга²⁶.

Доля расходов на транспорт и связь выросла не столь значительно, однако внутри этого сегмента происходят важные изменения, связанные с внедрением новых технологий. Электронная коммерция — один из драйверов развития рынка информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), который в 2015 г. достиг 431 млрд долл. Высокими темпами развивается рынок больших данных (*Big Data*) Китая, совокупный объем которого в 2015 г. составил 31,3 млрд долл., что на 50% больше, чем в 2014 г. В среднесрочной перспективе строительство «умных городов», использование «интернета вещей», больших данных и облачных сервисов станут основными факторами развития китайского рынка ИКТ. Кроме того, способствовать развитию индустрии ИКТ будет и реализации национальных стратегий «Сделано в Китае-2025» и «Интернет Плюс», которые предполагают увеличение внутренних инвестиций в НИОКР, средства связи, а также в «зеленые технологии», развитие которых — важнейший элемент 13-го пятилетнего плана КНР²⁷. По данным Министерства науки и технологий КНР, китайские инвестиции в НИОКР в 2015 г. составили 1,43 трлн юаней (214,5 млрд долл.) — на 9,9% больше, чем годом ранее.

Еще одной заметной тенденцией последних лет в Китае является рост потребления предметов роскоши. Согласно прогнозам, китайские потребители будут приобретать 44% мировых предметов роскоши к 2020 г., а средние расходы на эти товары вырастут на 11% в годовом исчислении²⁸. Наиболее характерна данная тенденция для косметической продукции. По мере увеличения численности населения в китайских мегаполисах и стремительного роста среднего класса, в среднесрочной перспективе можно ожидать сохранения устойчивого спроса на косметическую продукцию премиум-класса и на средства личной гигиены среди граждан с 20 до 39 лет.

* * *

Перенастройка китайской экономики несет колоссальные риски и одновременно возможности для их торговых партнеров КНР, в том числе, России. Стратегия нашего долгосрочного торгово-инвестиционного сотрудничества с Китаем должна исходить

из того, что на смену экстенсивной модели экономического роста, основанной на дешевой рабочей силе, растущем потреблении энергоресурсов и других видов сырья, постепенно приходит иная форма организации социально-экономического развития. Описанные выше изменения модели экономического развития Китая, характеризующегося замедлением темпов роста и постепенным расширением внутреннего спроса в развивающихся экономиках на фоне роста доходов населения, обуславливает относительно меньшие темпы роста спроса на ресурсы и инвестиционные товары и услуги (оборудование, строительство). Расширяющийся сегмент — потребительские товары, в том числе товары длительного пользования.

Россия может стать ключевым поставщиком многих таких товаров, особенно тех, производство которых требует большого количества энергии, воды или иных природных ресурсов. Это продукция сельского хозяйства и пищевой промышленности, бумага, продукция деревообрабатывающей промышленности, рыба и морепродукты, услуги хранения и обработки данных и т.д.

Проблема, однако, в том, что российские производители пока не вполне готовы работать в этом сегменте. В отличие от рынка сырья и инвестиционных товаров, в случае с потребительскими гораздо большее значение имеют вкусы и предпочтения потребителей, зачастую весьма специфические. Принципиально более важную роль играет маркетинг, предполагающий необходимость присутствия в информационном пространстве страны-импортера. Кроме того, барьерами выступают как высокие таможенные пошлины, так и многочисленные нетарифные ограничения (санитарные и фитосанитарные нормы, технические стандарты, требования к упаковке и маркировке и т.д.). Если в случае с сырьевыми товарами поддержка экспортеров заключалась преимущественно в достижении договоренностей на политическом уровне, то в случае с потребительскими товарами на первую роль выходит способность государства добиться открытия рынков (например, в рамках торговых соглашений), а также обеспечить принципиальное усиление системы мер поддержки экспорта: экспортного кредитования и страхования, предоставления государственных гарантий, предоставления услуг консалтинговых центров и активизации торговых представительств.

1. *Makarov I. A.* Transformation of the Economic Model in Asia-Pacific Region: Implications for Russia's Far East and Siberia, in: *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* / [Науч. ред.] J. Huang, A. Korolev. Palgrave Macmillan, 2017. P. 76–101.
2. *Xie Y., Zhou X.* Income inequality in today's China // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 13 May 2014. Vol. 111. No. 19.
3. Под странами АТР в этой работе понимаются Китай, Япония, Республика Корея, страны АСЕАН, а также Индия, которая, хотя географически не относится к Тихоокеанскому бассейну, рассматривается многими в качестве части этого макрорегиона.
4. *Бордачев Т. В., Лихачева А. Б., Чжан С.* Чего хочет Азия: потребление, взаимосвязанность, капитал и креативность // *Россия в глобальной политике*. 2015. Т. 13. № 1. С. 82–96.
5. *Reshoring initiative data report: reshoring and FDI boost us manufacturing in 2015* // *Reshoring Initiative*. 28 March, 2016. URL: <http://reshorennow.org/blog/reshoring-initiative-data-report-reshoring-and-fdi-boost-us-manufacturing-in-2015/>
6. *Central Bank of Bangladesh Announces \$500 Million Green Fund for Textile Sector* / World Bank. 31 March 2015. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2015/03/31/central-bank-of-bangladesh-announces-500-million-green-fund-for-textile-sector>.
7. *China's New Silk Road Hinges on a Small Pakistan Port* // *Bloomberg*. 30 September 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-29/china-s-new-silk-road-hinges-on-a-small-pakistan-port>; *Kazakhstan's China Choice* // *The Diplomat*. 06 July 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/07/kazakhstans-china-choice/>

8. Перевод по курсу на 10.04.2017: CNY/USD — 0.147.
9. Национальное статистическое бюро Китая.
10. Там же.
11. China economy 2016: stabilizing and progressing / The State Council of the People's Republic of China. URL: http://english.gov.cn/news/top_news/2017/02/07/content_281475561434239.htm.
12. UNCTADstat.
13. Ministry of Commerce People's Republic of China. Official web-site.
URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201601/20160101244116.shtml>.
14. UNCTADstat.
15. *Pettis M.* The Great Rebalancing: Trade, Conflict, and the Perilous Road Ahead. Princeton University Press, 2013.
16. IMF. People's Republic of China: 2017 Article IV Consultation-Press Release, Staff Report. August 8, 2017.
17. Euromonitor International from national statistics/Eurostat/UN/OECD.
18. FAOStat.
19. *Fuller F., Huang J., Ma H., Rozelle S.* Got milk? The rapid rise of China's dairy sector and its future prospects // Food Policy. 2006. No. 31.
20. FAOStat.
21. *Dong W., Wang X., Yang J.* Future perspective of China's feed demand and supply during its fast transition period of food consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6.
22. Ibid.
23. *Макаров И. А.* Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве // ЭКО. 2017. № 5. С. 23–42.
24. *Yu W.-S., Cap L.-J.* China's meat and grain imports during 2000–2012 and beyond: A comparative perspective // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6; *Dong W., Wang X., Yang J.* Future perspective of China's feed demand and supply during its fast transition period of food consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6; *Yu X.* Meat consumption in China and its impact on international food security: Status quo, trends, and policies // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6.
25. China cross-border e-commerce insights 2016/2017. China Internet Watch. 16.02.2017.
URL: <https://www.chinainternetwatch.com/19774/china-cross-border-e-commerce-insights-20162017/>
26. Electronic Commerce / Electronic Source Export.gov. URL: <http://2016.export.gov/china/doingbiz-inchina/industryinfo/ecommerce/index.asp>).
27. *Кранина Е. И.* 13-я пятилетка КНР: разворот к «зеленой экономике» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. №. 4. С. 69–77.
28. Electronic Commerce / Electronic Source Export.gov. URL: http://2016.export.gov/china/doingbiz-inchina/industryinfo/retail/eg_cn_101102.asp.